

Фонд № 387
И. С. Шмелев
Картон № 1
Ед. хран. № 8

Шмелев,
Иван Сергеевич

На островах Ладоги
— путевые наброски, отрывок без конца.
Позднейшая редакция очерков «На скалах Валаама»;
[конец 1890-х — нач. 1900-х]
Машинопись 30 л.

// картон

НА ОСТРОВАХЪ ЛАДОГИ.

/Путевые наброски./

I.

На пристани. — Богомольцы. — Вечеръ на Невѣ. —
Качка. — Коневецъ. —

Ладожскій пароходъ уже шелъ на всѣхъ парахъ къ Шлиссельбургу, когда я тоже на всѣхъ парахъ подкатилъ къ пристани. Слегка покачиваемый расходившейся Невой стоялъ здѣсь большой пароходъ, на палубѣ котораго матросы финны энергично работали швабрами.

— Опоздали. Болѣ часа, какъ ушелъ... — сказалъ сторожъ. — Ужъ это вамъ къ счастью...

— Это почему?

— Какъ кому, конечно... Только на озерѣ теперѣ бѣда! Что дѣлается!..¹ Вы на Валаамъ что ли? Ааа... Хорошее дѣло... А только и покрутитъ васъ на озерѣ!

Сильный вѣтеръ рвалъ шляпу, и темныя волны рѣки уныло шлепали въ берега.

— А ступайте подѣ Смольный... Пароходишка скоро въ Шлюшинъ пойдетъ, можетъ и догоните озерный, ежели остановку сдѣлаетъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Часа черезъ четыре маленькій пароходикъ благополучно доставилъ меня къ Шлиссельбургу. Здѣсь уже сильно чувствовалось непокойное озеро: нашъ пароходишка едва добрался до пристани, испуская тоскливыя свистки, точно просилъ о помощи.

Довольно широкой рейдъ. Масса баржъ, соймъ, барокъ. Два-три пароходика, ныряя въ волнахъ, спѣшили куда-то. На лѣвомъ берегу огромная каменная масса фабричныхъ корпусовъ посылаетъ на небо черную тучу дыма. Впереди, у выхода въ озеро, громадный пароходъ покачивается, не двигаясь съ мѣста, — очевидно, стоитъ на якорѣ. Это тотъ самый, на который я опоздалъ. Палуба густо покрыта народомъ, точно стая птицъ перелетныхъ опустилась на отдыхъ передъ долгой дорогой.

На пристани два грузчика предлагаютъ донести багажъ до гостиницы.²

¹ Вместо восклицательного знака — было многоточие

² Вместо: гостиницы — было: гостиницы

— Вонъ даже пароходъ боится... Озеро не въ порядкѣ, выпираетъ... Право, лучше въ гостиницу! Сейчасъ самоварчикъ... Дозвольте донесемъ...

// 1

Я колеблюсь, смотрю на высокіе гребни. Уже теперь начинаетъ рябить въ глазахъ.

— Да ужъ будьте покойны-съ... Пучина... Ежели кому съ непривычки, можетъ очень нехорошее произойти...

— На пароходъ не надо ли кому? — крикнулъ съ воды грубый голосъ.

Въ небольшой лодкѣ стоялъ матросъ. Лодка такъ и ходила подъ нимъ, раскачиваемая беспокойной рѣкой. Смотрѣлъ на меня.

Э, все равно... Ёду.

Лодка точно сорвалась съ цѣпи, запрыгала и завертѣлась на гребняхъ.

— Потопнетъ!... — ободряли голоса грузчиковъ.

Пароходъ приближался. Чорная масса на палубѣ начинала дробиться, яснѣть. Волны бьютъ въ бортъ и отшвыриваютъ нашу лодчонку.

— Э-эй! Штурма-ань!! — кричитъ мой матросъ, задирая голову. — Гдѣ у ево бокъ-то открывается?!

Любопытные, уже часа два скучающіе на якорѣ, вытягиваютъ головы и смотрятъ на насъ сверху. Мы заѣзжаемъ съ другой стороны. Въ борту парохода открывается проходъ, матросы спускаютъ желѣзную лѣсенку прямо въ лодку, и я на пароходѣ. Толпа народа. Сидятъ, лежатъ, распиваютъ чаекъ. Пахнетъ жаромъ машины и гарью изъ кухни.

Въ залѣ I класса, на кормѣ, всѣ бархатные диванчики заняты. Нѣтъ, на палубѣ лучше. Здѣсь народъ попроще и повеселѣй. Съ кѣмъ ни заговоришь о Валаамѣ, для всѣхъ онъ точно родное что-то. Только и разговору, что о немъ.

— Тамъ монахъ по машинной части хорошъ! — говоритъ кожаная куртка. — Тамъ на каждомъ мѣстѣ — машина.

— Извѣстно... Они тоже понимаютъ... Умудряетъ Господь.

— Тамъ у нихъ вода на гору бѣжитъ, сказывали...

— Чего вода! Рыбу изъ икры дѣла-ютъ!

— Ну, ужъ (—)³ это, братецъ, ты того...

— Ничего не того! Машина! Такое приспособленіе стеклянное есть... Напуститъ въ его икры изъ рыбы, а она-то и того... Ма-а-хонькія такія...

— Чудеса!... — говоритъ странникъ въ мѣховой шапкѣ. — Тамъ у нихъ прямо на камнѣ хлѣбъ растетъ...

— Чего тамъ хлѣбъ! — воодушевляется кожаная куртка. — Тамъ такія дерева, что... по двадцать сортовъ яблока! Тутъ тебѣ антоновка, будемъ говорить, а тутъ... рядышкомъ, титовка, а тамъ анисовка... На одномъ деревѣ!

— Съ молитвы, не иначе... Умудряетъ Господь...

Вечерѣло. Вѣтеръ утихъ, только волны все еще поплескивали въ берега.

³ Вместо: (—) — было: многоточие

Высокія мачты и шпили баржъ горѣли огнемъ заката. На берегу огонекъ блеснулъ и отразился въ водѣ.

Рядомъ съ нами тоже стоитъ на якорѣ длинный невысокій пароходъ.

— Этотъ по каналамъ ходитъ. Вчера еще на Свирь, было, пошелъ, да воротился. Насилу изъ озера выбрался... Шибко швыряетъ...

— Гляди, якорь поднимаютъ! Никакъ сыматься хочеть...

На длинномъ пароходѣ подымали воротомъ якорь. Чорныя звенья цѣпи съ грохотомъ уползаютъ въ люкъ. Свистокъ.

— Счастливаго пути!..

Съ парохода замахали картузами. Онъ неуклюже сталъ заворачивать и медленно двинулся въ озеро.

Стало свѣжо. Пахнетъ смолой отъ барокъ. Зеленые огоньки начинаютъ мерцать со шпилей. На пароходѣ тишина, хотя ѣдетъ до пятисотъ человекъ.

«Свѣте тихій, свя-ты-я славы»...

Тихіе звуки молитвы потекли по рѣкѣ, смѣшались съ тишиной августовской ночи.

Я спустился въ каюту. Съ равными промежутками били волны въ борта и усыпляли.

Стукъ машины разбудилъ меня. Я поднялся и поглядѣлъ въ иллюминаторъ. Разсвѣтъ. Мимо насъ плыли баржи съ поблѣднѣвшими огоньками на реяхъ: бѣжали берега, сонное село съ бѣлой церквушкой, съ сѣрыми избами. На берегу потухающій костеръ по вѣтерку бѣлая полоса дыма. Дальше отступаютъ берега. Островъ гранитный бѣжитъ мимо... Каменные высокія стѣны, за стѣнами шпигъ торчитъ, сверкаетъ золотой крестъ...

Высокія волны бѣгутъ и плещутъ. Передъ нами широкая Ладога.

Начинало покачивать. Что-то звякнуло надъ головой: подсвѣчникъ раскачивается на шарнирахъ. Хлопнула дверь гдѣ-то... и вдругъ что-то подняло меня и швырнуло вмѣстѣ съ каютой, съ подсвѣчникомъ, съ лучомъ солнца, скользнувшимъ въ иллюминаторъ черезъ зеленую сторку. Лечу куда-то, какъ во снѣ дѣтства... И кружится голова, и томить, томить...

....Та-та-та-та-та-та-та-та.... — стучитъ надоѣдливо машина, бѣгутъ и бросаютъ волны, мучаютъ нестерпимо.

Едва нахожу силы взглянуть на часы. II утра.

— Коневецъ видать! — кричатъ на палубѣ.

Все задрожало во мнѣ. Пахнуло избавленіемъ отъ муки и чѣмъ-то далекимъ и милымъ, къ чему я такъ стремился. Я не видалъ далекой Россіи, и вотъ она тутъ теперь, за бортомъ парохода, и я увижу ее сейчасъ, сейчасъ. Увижу не мертвой, какъ географическая карта, а такой, какая она есть, освѣщенная солнцемъ, прекрасная, въ своемъ бытіи...

II.

Въ кельѣ. — У моря. — Старичокъ гостиникъ.

Пароходъ подошелъ къ пристани настолько близко, что даже ударился о бревенчатую обшивку.

Поспѣшно бѣгутъ богомольцы къ монастырю, въ гору, аллеей развѣсистыхъ плакучихъ березъ. На пристани часовенка и высокій тощій монахъ. Онъ сложилъ руки на груди и холодными строгими глазами смотритъ. Вѣтеръ съ озера развѣваетъ полы его порыжевшей ряски.

Монастырская крѣпкая лошадка быстро несетъ меня въ гору. Вправо пятиглавый соборъ, закрытый старыми березами. На горѣ бѣлое зданіе гостиницы. На порогѣ встрѣчаетъ толстый сѣдой монахъ, кланяется и ведетъ длиннымъ корридормъ. Пахнетъ монастыремъ — печенымъ хлѣбомъ и щами.

Келейка крошечная, съ выбѣленными стѣнами. Березка заглядываетъ въ окно, а за ней вижу Ладогу, крестъ часовенки и концы рей на монастырскомъ баркасѣ.

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа...

Монашонокъ — подростокъ вноситъ обѣдъ. Пурпурный квасъ и дымящійся хлѣбъ, посыпанная тминомъ капуста и надушенная лавровымъ листомъ похлебка. Каша дымится и поблескиваетъ коноплянымъ масломъ. Прекрасно. Все прекрасно: и эти голыя стѣны, и простота, и хмурая Ладога, и потрескавшаяся лежанка, и этотъ крутой, вязкій хлѣбъ.

Вечеромъ я осматриваю островъ. Сейчасъ же за гостиницей лѣсъ. Тишина, тишина внизу, подъ шапками красноствольныхъ сосенъ, одѣтыхъ мхами. И тихій звонъ хвои вверху. Иду. Рѣдѣетъ лѣсъ. Ладога сверкаетъ въ освѣщеніи вечера, бьютъ въ песчаные берега волны.

Тамъ и сямъ⁴ по лѣсу лежатъ круглые камни, валуны, покрытые мхами; на нихъ розовыя слезки брусники. Давно-давно съ сѣверныхъ горъ льды занесли эти камни и бросили здѣсь. Много тысячелѣтій прошло. Схлынули воды, островъ показался изъ водъ, и эти сѣрые камни рассказали уму человѣка сказку о томъ, что было...

Въ монастырѣ звонили ко всенощной. Темнѣло въ лѣсу. Тянуло печалью и одиночествомъ. На опушкѣ, возлѣ старыхъ сараевъ, я встрѣтилъ монаха. Онъ оглянулъ меня и пошелъ торопливо, точно боялся, что я заговорю съ нимъ, распрошу, быть можетъ, печальную повѣсть его души.

У монастырскихъ воротъ подъ березами толпятся послушники. Тутъ же и толстогубые корелы въ клѣтчатыхъ штанахъ и картузахъ съ прямыми козырьками. Любуются на велосипедъ. Смѣются, какъ дѣти, нажимаютъ пальцами

// 4

резинку, позваниваютъ въ звонокъ.

⁴ *Вместо: и сямъ — было: исямъ*

Тяжко нависли своды собора. Полъ изъ сосновыхъ досокъ, бѣдно расписанныя стѣны. Чинно стоятъ монахи, — все здоровый, коренастый народъ съ грубыми чертами лица. Поютъ афонскимъ напѣвомъ. Грустно.

Пусто въ гостиницѣ. Послушникъ — подростокъ сидитъ на крылечкѣ и смотритъ задумчиво въ Ладогу. Она сильней начинаетъ шумѣть къ ночи. Гремятъ камешки на берегу. Небо чисто, только на западѣ залегла узкая сизая полоса.

На колокольнѣ ударили. Послушникъ сорвался съ крылечка и побѣжалъ на кухню. Пришелъ ото всеобщей старичокъ гостиникъ и полюбопытствовалъ, какъ я провелъ день и что посмотрѣлъ.

— Конечно, далеко намъ до Валаама... Небогато у насъ.

— А схимонахи у васъ есть?

— Были. И какіе старцы! Вотъ схимонахъ Іаковъ былъ, царство небесное... Самъ себѣ и смерть предсказалъ. А то еще Виталій схимонахъ... Тоже жизни замѣчательной и смерть себѣ предсказалъ...

Черезъ окно кельи слышно, какъ сонно гудитъ въ лѣсу. Вѣтеръ пошелъ.

— «Конь-то камень»⁵ не видали?

— Нѣтъ. А что?

— О-о! Замѣчательность. Такого камня нигдѣ нѣтъ, только у насъ!

— А чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Да онъ такой замѣчательный... Вѣдь надъ нимъ-то самое жительство нечистой силы было!

— Да что вы? Это дѣйствительно...

— Да ужъ будьте покойны. Вотъ вамъ завтра монашекъ все объяснить.

— Это интересно.

— Да ужъ... На что англичане, народъ самый образованный, а и тѣ удивляются. Опять «Змѣиная»⁶ гора...

— Змѣй много?

— Нѣтъ. Змѣи у насъ не видать, а такъ кривая гора такая... какъ змѣя вьется. Пустынники и схимонахи на ней въ пещерахъ жили. Только запустѣло мѣсто: нѣтъ никого на «Змѣиной горѣ»...

На колокольнѣ ударило 9 ровными печальными ударами.

III

«Конь-камень». — Легенда. — Храбрая ворона.
Молчаливый скитъ. — Подвижникъ. — Ночь въ
соборѣ. — Отъѣздъ.

Идемъ лѣсомъ. Опять камни, поросшіе мохомъ, опять Ладога шумитъ гдѣ-то

⁵ Вместо: «Конь-то камень» — было: Конь-то камень

⁶ Вместо: «Змѣиная гора» — было: змѣиная гора

близко.

— Вотъ онъ, «Конь-камень»-то! — сказалъ провожавшій меня монахъ.

Темныя ели обступили поляну. На ней гранитная масса, какъ гигантскій хребетъ ушедшаго въ землю невѣдомаго животнаго. На двухсаженную высоту ведетъ лѣсенка. На вершинѣ часовня. Деревянныя стѣны исчерчены іероглифами посѣтителей. Ликъ Матери съ Младенцемъ на рукахъ. Лампада мерцаетъ.

Смотрю на гранитную глыбу, памятникъ сѣдой старины, брошенный могучею силой стихій на песчаный островъ. Съ какихъ горъ сорвало льдами этотъ гигантскій кусокъ?

Чѣмъ могли объяснить появленіе этой массы среди дремучаго лѣса дикіе финны? Въ природѣ они видѣли олицетвореніе разныхъ боговъ, добрыхъ и злыхъ... Конечно, и эту скалу занесъ въ лѣсъ какой-нибудь богъ. Какой? Грозный или милостивый? Вся обстановка говорила о первомъ. Кругомъ мрачный лѣсъ утрюмо звенѣлъ, море вѣчно шумѣло за нимъ.

И дѣйствительно. Преданіе говоритъ, что на островѣ не было хищныхъ звѣрей, и финны держали здѣсь⁷ скотъ, который могъ спокойно бродить по пустыннымъ мѣстамъ, отыскивая кормъ на лѣсныхъ полянахъ. Но вставала тревожная мысль о грозномъ богѣ, что прячется во мракѣ лѣсовъ, подъ скалой. И вотъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, когда съ юга повѣетъ тепломъ, и солнце растопитъ ледяную кору суровой Ладоги, съ туманныхъ береговъ финскихъ⁸ одна за другой тянулись къ острову грознаго бога неуклюжія лодки. У гранитной скалы творили финны молитвы, возжигали костры и приносили въ жертву коня. Отсюда и камень зовется «Конемъ», и островъ «Коневцемъ».

Преданіе это сообщилъ преп. Арсенію нѣкій Филиппъ, рыбарь. Разсказъ его находитъ откликъ въ душѣ Арсенія. Тотъ — монахъ. Всю жизнь положилъ онъ, чтобы избавить души отъ «дѣвольской лести».

Арсеній словомъ проповѣди заставилъ дикарей отказаться отъ идолопоклонства и на мѣстѣ моленій языческихъ воздвигъ часовню. Преданіе говоритъ объ этомъ въ поэтическихъ краскахъ.

Преподобный цѣлую ночь стоялъ на молитвѣ. На утро⁹ онъ явился къ камню съ иконой, обошелъ его съ пѣснопѣніями и окропилъ. И тутъ совершилось, какъ повѣствуетъ лѣтопись Коневецкаго монастыря, чудо. Лишь только преп. Арсеній окропилъ камень, туча злыхъ духовъ въ видѣ вороновъ вылетѣла изъ-подъ гранитной глыбы и съ крикомъ потянуло за озеро, на финскій берегъ, въ глубокій заливъ. Съ того времени тотъ заливъ зовется — «Сартанлаксъ», что значитъ «Чертова Лахта», «Заливъ Чертей».

— Доподлинная правда... Теперь у насъ ни одной вороны на островѣ нѣтъ, — объяснилъ монахъ. — Воробей, голубокъ тамъ — тѣ бываютъ, а ворона... та

⁷ *Вместо: здѣсь — было: на островѣ*

⁸ *Вместо: финскихъ — было: финнскихъ*

⁹ *Вместо: на утро — было наутро*

все больше обходимъ, такъ гдѣ-нибудь на бережку посидить, носъ поточить...

Я не хотѣлъ разочаровывать его и не сказалъ, что сегодня утромъ видѣлъ цѣлую стаю воронъ на монастырскомъ дворѣ.

— Говорять, будто подъ нимъ, подъ камнемъ-то... золота много лежитъ. Ужъ хлопоталъ тутъ одинъ, съ кирками да съ лопатами прїѣзжалъ, хотѣлъ подрываться, только, конечно, мы не допустили... Сурьозный такой изъ себя, а хитрый... Будто бы по наукѣ ему надо.. Прикрыться хотѣлъ... И уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Бѣдный геологъ!

...Крра-а Крра-а-а...

Ворона! Да, она важно сидѣла на ели и глядѣла на гранитную глыбу.

— Смотрите, ворона... — показалъ я монаху.

— Аххъ... ты! Шшш! Шшш, проклятая! Это она пролетцемъ такъ, а чтобы жить... нѣтъ. Теперь я васъ къ скиту свожу.

По лѣсу звенѣли бубенчиками монастырскія лошади, выходили на тропки и протягивали мордочки, прося хлѣба. Брусника и черника сплошь захватили почву.

— Хоть возами вози... Сила.

Вотъ и скитъ. Лѣсъ съ трехъ сторонъ. Озера у самыхъ воротъ. Я видѣлъ передъ собою картину глуши, заброшенности. Тихо шумять вершины, а за стѣнами мертвая тишина. Висятъ молчаливые колокола, и не знаешь, а звонили ли когда ихъ мѣдныя сердца, призывая иноковъ на молитву. Зачѣмъ звать, кого звать, когда все кругомъ мертво, только неутомное озеро плещется. Ворота отворены. На заросшемъ травомъ дворѣ ни души. Храмъ отпертъ. Входимъ. Точно изъ-подъ земли выросла фигура старца монаха. Строгіе глаза смотрять изъ-подъ очковъ.

— Вамъ чего? Посмотреть? А-а-а...

— Давно вы здѣсь?

— А? а? — наклонился ухомъ старикъ.

Я повторилъ вопросъ.

— Скоро тридцать лѣтъ будетъ... скоро...

— Можно скитъ вашъ снять?

— А не грѣхъ?

— Сымають... — успокоилъ его проводникъ. — Теперь заведено такъ, чтобы сымать. Разныя нонѣ штуки пошли... Вонъ вчера нѣмецъ на колесѣ прїѣхалъ...

— Кто прїѣхалъ? — переспросилъ старецъ.

— Нѣмецъ на колесѣ... Вилсапитетъ...

— Это нѣмецъ-то? Кто же онъ такой, вилсапитетъ?

— Нѣ-ѣтъ... Это колесо, а нѣмецъ онъ обыкновенно какой... лютеръ...

// 7

— Не ладно, не ладно нѣмца въ обитель пущать...

— Да развѣ его удержишь! Какъ шель съ парохода, сѣлъ на свое колесо, да въ гору-то ровно искра...

— Э-эхь! — вздохнул скитянинъ. — Гнать его надо, гна-ать...

— Скучно у васъ здѣсь!

— Намъ не плясать...

Шагахъ въ четырехъ песчаный спускъ въ озеро. Того и гляди ворвутся на пустынный дворъ мутныя волны. Шумить лѣсь кругомъ. Сонные висятъ колокола. Да, самый настоящій скитъ.

— Къ вечернѣ скоро... Дай вамъ Господь... Прощайте...

И ушелъ отъ насъ въ темный входъ храма.

Пошли. Скоро маленькая колокольня затерялась за стволами.

Въ половинѣ третьяго ночи разбудилъ меня дребезжащій звонокъ въ корридорѣ гостинницы. Выглянулъ въ окно. Тьма. Море шумитъ, шумятъ березы. Глухо зоветъ къ полунощницѣ маленькій постный колоколь. Уже стучатъ каблуки по каменной дорожкѣ къ собору.

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа... Пароходъ черезъ часъ отходить... Еще съ вечера пришелъ.

— Спокойно озеро?

— Ничего... Маленько тряханетъ...

Я пошелъ въ соборъ въ послѣдній разъ взглянуть на монастырскую братію и потомъ въ дорогу. Ночная сырость съ озера пронизываетъ до костей. Холодно, неуютно подъ сѣрымъ небомъ. Тяжелыя сводчатыя ворота давятъ. Издали видно, какъ мерцаютъ въ храмѣ желтые огоньки свѣчей...

... «Изведи изъ темницы ду-шу мо-ю-у!» — уныло бьется въ полумракѣ пронзительный альтъ послушника.

Разноцвѣтныя лампы надъ ракой дремлютъ недвижными язычками. Тяжелыми складками повисла малиновая бархатная завѣса.

Старенькій, едва движущійся монашекъ, разинувъ отъ слабости ротъ, ставитъ обѣими руками дрожащую въ нихъ тоненькую желтую свѣчку. Въ темномъ алтарѣ чуть теплится седьмисвѣчникъ. Подъ сводами мракъ... Тишина, сладковатый запахъ ладана, мертвенныя лица, потрескиванье свѣчекъ... и вдругъ за стѣной гудокъ парохода. Онъ звалъ меня. Я бросилъ прощальный взглядъ и пошелъ.

— Добраго пути...

Кто это? Согнутая фигура. Голова склонилась къ полу, и черная мантия закрыла клубокъ. Это, конечно, онъ, неизвѣстный мнѣ такъ же, какъ и я неизвѣстенъ ему... Спасибо. О, съ какой бы радостью и я пожелалъ ему «добраго пути». Куда? Куда онъ хочетъ.

// 8

Старичокъ гостиникъ стоитъ на крыльцѣ. Онъ уже отправилъ на пароходъ мой чемоданъ. Простились. Второй гудокъ.

Сбѣгаю съ горы. Высокая худая фигура монаха недвижно, какъ и двое сутокъ назадъ, стоитъ у часовни. Третій...

Монашонокъ сбрасываетъ причаль и смотритъ на вздымаемую винтомъ пѣну. Уходитъ лѣсомъ покрытый Коневецъ. Уходитъ соборъ, березы. Чуть виденъ тихій скитъ въ сѣткѣ тумана.

— Сартанлаксь! — крикнулъ штурманъ.

Вотъ и «Чертова Лахта», глубокой, лѣсомъ окаймленный заливъ. Убогіе домишки, деревянная пустынная пристань. Глушь. Бѣлый деревянный маякъ на песчаной косѣ.

Яснѣетъ небо, солнце выглядываетъ изъ-за воды огненной щелью, и я вижу, какъ тихо лежитъ на водахъ покинутый мною Коневецъ.

IV

Среди волнъ и гранита. — Святыя острова.

Пароходъ крадется вдоль финскаго берега, поросшаго низкорослымъ березнякомъ. Мертво, песчано по берегамъ. Бѣлые маячки на длинныхъ косахъ.

— На Валаамъ-сь? — спрашиваетъ розовый паренекъ въ лаковыхъ сапогахъ. — Очень хорошо-сь... А знатно нонеча по водамъ... Одна меланхолія...

— Какъ меланхолія?

— Качки нѣтъ, чуть колышетъ. А тутъ, — показалъ онъ пальцемъ на воду, — самое ехидное мѣсто... Чуть сорвался съ вальфатера и на камни... Погибель!..¹⁰ Я люблю-сь... Каждую минуту ждешь, и тутъ какъ бы это... веселить... Не приложимся, а? — щелкнулъ онъ себя по горлу.

Чаще и чаще маяки. Полосатыя палки торчатъ изъ воды, показывая фарватеръ. Кругомъ шхеры, проливчики путаются, островки. Проходимъ предместье Кексгольма, сбрасываемъ нѣсколько бочекъ и ящиковъ, и уже кончились шхеры. Нѣтъ. Опять идутъ на насъ груды каменныхъ горъ.

— Кроноборъ! — кричитъ штурманъ.

Поселокъ, окруженный холмами. Лютеранская церковь тонкимъ шпилемъ царитъ надъ узкой долиной. Остановки кончились. Идемъ въ открытое озеро. Скалы все еще давятъ насъ. Плывутъ рыхлыя облака, вѣтеръ начинаетъ играть порывами. Матросы натягиваютъ паруса: вѣтеръ попутный и помогаетъ **пару**.(можетъ быть **парусамъ**?) Помогаетъ и морю играть. Уже щелкаютъ растянувшіеся паруса, уже накреняется пароходъ и качаетъ бортомъ и килемъ. Стучитъ что-то внизу, точно бьетъ насъ о камни.

— Не Валаамъ ли? — спрашиваю стараго шкипера, посасывающаго короткую

// 9

трубочку, и показываю на синѣющія очертанія острова.

— Нѣйтъ Валямъ... Дридцать верстъ.

Въ будкѣ рулевого капитанъ смотритъ въ подозрную трубу, боится, не отнесло ли вѣтромъ. Туманъ подымается съ воды. Слушаютъ матросы, не позываютъ ли

¹⁰ Вместо восклицательного знака — было многоточие

колокола. Проходитъ часа два томленія. Хлещетъ дождь, рветъ вѣтеръ, щелкають паруса.

— Валаамъ видать! Слава те, Создателю... Привель Господь...

— А я люблю-сь... — опять появляется парень. — Это по моему нутру-сь... Плохо вамъ, тошнить? А вы бы поконьячили маленько... Большая польза...

Передъ нами большой зеленый островъ, высокій, скалистый. Весь въ бѣлой пѣнѣ по берегамъ. Островъ начинаетъ дробиться. Видны проливы, а за проливами острова... Горы скаль однѣ надъ другими.

Проливъ Монастырскій выдвинулся изъ-за скалистаго мыса. Слѣва каменный островокъ точно сторожить входъ въ царство иноковъ валаамскихъ. На немъ бѣлая церковка и высокій гранитный крестъ. Это скитъ Никольскій.

Пароходъ вступаетъ въ проливъ и медленно двигается между отвѣсными скалистыми берегами. Тихія лѣса охватываютъ свѣжестью молчаливыхъ нѣдръ.

Гудокъ. Высоко влѣво, на отвѣсной скалѣ, грандіозный храмъ. Золотые кресты на голубыхъ куполахъ. На скалѣ чугунная рѣшетка, черныя точки монаховъ. Съ крутой горы съ грохотомъ спускается повозка. Ударяють къ вечернямъ. На пристани толпа богомольцевъ. Монахи-пѣвчіе выступили впередъ, откашливаются.

— «Во-скре-се-ні-е Хри-сто-во ви-дѣвше-е... поклонимся святому Господу І-и-су-у-су-у»... — нестройно запѣли на пароходѣ немногочисленные богомольцы.

— «Е-ди-но-му без-грѣ-ѣ-шно-му-у» — стройно подхватили на пристани, играя басами и верхами.

Начался благодарственный молебенъ. Дождь льетъ. Небо нависло.

V

Землякъ. — Замѣчательная пища. — Валаамская¹¹
ночь. — Ночная молитва. — У игумена.

На крыльцѣ гостиницы¹² юркій и востроглазый старичокъ. Это о. гостиникъ. Всматривается пытливо.;

— Вы откуда?

Послушники въ отдаленіи чего-то ожидаютъ.

— Изъ Москвы.

Нѣкоторый эффектъ. Старичокъ чешетъ переносье и думаетъ.

// 10

— Въ келью № 27... Проводи, братъ Василій.

Келья узенькая, постель съ кирпичными подушками и каменными матрацами. Окно въ цвѣтничокъ. Пахнетъ постнымъ масломъ и корками.

¹¹ *Вместо:* Валаамская — *было:* Ваалаамская

¹² *Вместо:* гостиницы — *было:* гостинницы

Я усталъ, прилежъ и сталъ забываться, какъ за дверью точно кто въ трубу загудѣлъ:

— Господи Боже нашъ, помилуй насъ... — и, не дожидаясь отвѣта, братъ Василий наподдаетъ ногой дверь и вноситъ самоваръ. Его лицо сіяетъ не меньше самовара.

— Земляки... Я вѣдь тоже московскій. Стоитъ Москва-то?

— Стоитъ. А что?

— Грѣха много тамъ... и-и! Отъ грѣха и ушелъ...

Я молчу, хочется спать, а землякъ спрашиваетъ и спрашиваетъ. Спрашиваетъ про Сухареву башню, про Таганку, про калачи...

— Калачики тамъ... эхъ!

Онъ не получаетъ отвѣтовъ и все же спрашиваетъ. У меня не соображаетъ голова, и я отвѣчаю про Таганку, когда онъ спрашиваетъ о погодѣ.

Я бросился на каменный матрацъ, и самоваръ одиноко бурчалъ на столѣ, сіяющей и живой.

Когда я проснулся, самоваръ уснулъ. Занавѣска у окна пузырилась по вѣтру, позволяя видѣть темные лѣса за проливомъ на скалахъ и загорающіяся звѣзды. Небо очистилось. Падала свѣжая, смолою напоенная ночь.

Девятый часъ. Землякъ гудитъ и наподдаетъ дверь. Тащитъ на подносѣ ужинъ. Квасъ и хлѣбъ, и грибы, и похлебки, и винигретъ.

— Покушайте. Наша пицца знаменитая... Съ секретомъ.

— Какъ такъ съ секретомъ?¹³

— Чудо. Съ нашей пицци сперва человекъ слабѣть начинаетъ...

Я покосился на похлебки и груды хлѣба.

— Исхудаешь, побѣлѣешь... А потомъ въ такую силу войдетъ, что...

— Это все мнѣ?! Не мудрено «войти въ силу».

— Зато калачиковъ у насъ не найдешь... Эхъ, калачики!

Бѣдный землякъ! Онъ, должно быть, забылъ, что въ Москвѣ не только калачики. Онъ забылъ, что въ Москвѣ и всюду на необозримомъ просторѣ полей миллионы «земляковъ» не знаютъ вкуса свѣжаго хлѣба.

— Не скучно вамъ здѣсь?

— Чего-съ... У насъ благолѣпіе... Тутъ мы всѣ равны. Монахъ, еромонахъ, послушникъ, — все едино: картошку; къ примѣру, копать — всѣ идутъ. У насъ артель...

Счастливый землякъ!

Десять — перезваниваютъ соборные часы. Богомольцы потрапезовали и разбрелись по кельямъ. Монахи въ храмѣ: слушаютъ «правило» и поютъ отпускную

¹³ *Вместо: съ секретомъ? — было: съ секретомъ.*

Величественный контуръ собора темнымъ пятномъ лежитъ на свѣтлѣющемъ пологѣ неба. Кресты загораются съ боковъ, играютъ отъ мѣсяца, еще укрытаго стѣною лѣса. Дремлетъ Валаамъ на горахъ скалистыхъ. Спятъ лѣса у воды, печальные скиты по островамъ и дебрямъ.

Изъ-за острыхъ вершинокъ еловаго лѣса подымается мѣсяцъ.

Дребезжащій звонокъ разбудилъ меня въ срединѣ глубокой ночи.

... «Вре-мя пѣ-ні-я»... — пауза и звонокъ. — «Мо-ли-твы часъ... — затянулъ унылый и настойчивый голосъ за дверью.

Стучать въ двери, но я не подаю голоса.

... Го-спо-ди Бо-же нашъ, по-ми-и-луй насъ...»¹⁴

Голосъ уходитъ въ конецъ корридора, звонокъ замираетъ, стуки тише. Я засыпаю.

— «Вре-е-мя пѣ-ні-я... мо-о-о-о-ли-твы часъ...»

Онъ ломится въ мою дверь, этотъ ночной пѣвецъ. Онъ звонитъ и тоскливо-упрямо зоветъ.

Гдѣ-то скрипнула дверь, плещется вода, фыркаетъ кто-то.

— Началась полунощница? — спрашиваетъ чей-то испуганный женскій голосъ. — Какъ у васъ благолѣпно... Такъ аккуратно, хорошо... У васъ не проспишь...

... Благолѣпно, и нипочемъ¹⁵ не проспишь... — думаю я — и стараюсь заснуть.

— Господинь! — слышу старческій голосъ. — Полунощница!...

Въ Москвѣ теперь даже сторожа спятъ, — думаю, — и не отзываюсь.

— Господь труды любить... Пожалуйте... Время пѣнію.

Хлопаютъ двери, шмыгаютъ и крикаютъ богомольцы, проходятъ послушники, напѣвая: «Се Женихъ грядетъ въ полунощи»... Какой сонъ!

Ясный день. Солнышко зайчиками играетъ въ выбѣленной кельѣ. Подъ окномъ въ цвѣтникѣ посвистываетъ птаха, на колокольнѣ звонятъ къ «Достоينو».

— Какъ ночь провели? — спрашиваетъ о. гостиникъ.

— Плохо. Поютъ у васъ по ночамъ и звонятъ... И жестко же...

— Хе-хе... Жестко! А т а м ъ -то мягко намъ будетъ? А теперь къ о. игумену надо сходить, благословенія испросить...

Иду черезъ монастырскія ворота и попадаю во внутренній четырехугольникъ, среди котораго на обширной площади соборъ.

Одѣтый въ бѣлое привратникъ молча отворяетъ стеклянную дверь. Старушка богомолка смиренно жметъ въ уголокъ прихожей. Потолокъ сводами, въ кадушкахъ исполинскіе фикусы, на стѣнахъ картины, дары художниковъ.

О. игумень — коренастый, мужицкой складки шатѣнь съ энергичнымъ лицомъ

¹⁴ Вместо: «Вре-мя пѣ-ні-я»...; «Мо-ли-твы~по-ми-и-луй насъ...» — было без кавычекъ

¹⁵ Вместо: нипочемъ — было: ни по чемъ

и вдумчивыми глазами. Приглашает на чай во внутренніе апартаменты. Рассказывает о хозяйствѣ. Я люблю картину Шишкина, писанную художникомъ за двѣ версты въ морѣ. Видна вся панорама архипелага.

Игумень продолжаетъ все о хозяйствѣ, знакомитъ съ правилами монастырскаго обихода и очень радушно даетъ разрѣшеніе осмотрѣть все.

Выхожу на воздухъ. Стрижи играютъ подъ куполами. Богомольцы чинно ходятъ, присматриваясь и вздыхая. Старичокъ привратникъ сидитъ въ продавленномъ креслѣ у воротъ и дремлетъ.

VI

Въ соборѣ. — Подзорная труба. — Школа живописи. —
На высотѣ. — О. Анфимъ.

Передо мной соборъ уходитъ въ небо тридцати-трехъ-саженной колокольной. Величественная масса на гранитномъ фундаментѣ, черныя гранитныя колонны въ окнахъ, гранитныя кресты на стѣнахъ, гранитное крыльцо паперти, поддерживаемое мощными колоннами. Все это сооружено иноками; всѣ матерьялы добыты и обработаны на островахъ; все, до послѣдняго гвоздя, вышло изъ мастерскихъ валаамскихъ.

Глубокимъ притворомъ вступилъ я въ первый этажъ собора. Стѣны, своды, колонны — все расписано прихотливыми узорами, херувимами, звѣздами, цвѣтами, картинами изъ библейской исторіи. Въ иконостасѣ золото сверкаетъ въ бѣломъ, красномъ и голубомъ. Много свѣта и воздуха.

— Чудодѣйственно тутъ, — шопотомъ сказалъ мнѣ стоявшій рядомъ странникъ. — Исходилъ я землю во вся концы, а сего не обрѣлъ... Вѣдь это что! Трубу на колокольнѣ воздвигли.

— Какъ трубу?

— Подозрительную! Даже, будто, Питеръ въ нее видать! Вотъ какая! Для спасенія пароходовъ...

— Какъ же это такъ, «для спасенія»?

— А какъ туманъ на озерѣ, и не идетъ пароходъ, а по времени надо бы ему быть, вотъ у нихъ монашекъ одинъ и приспособленъ. Взлѣзетъ онъ на самую высь да въ трубу-то и глянетъ... И увидитъ онъ, стало быть, пароходъ сквозь туманъ, и сейчасъ звонъ... во всѣ колокола. Пароходикъ-то и бѣжитъ на звонъ.

Я поднялся по широкой гранитной лѣстницѣ во второй этажъ храма. Внутренняя отдѣлка его еще не была закончена, и работа кипѣла во всѣхъ пунктахъ. Въ сѣти подпорокъ и подмостковъ копошились фигуры въ бѣлыхъ рабочихъ рясахъ, клали штукатурку, расписывали стѣны. Въ свѣтломъ углу,

// 13

на положенныхъ на козлы доскахъ приютилась школа живописи. Человѣкъ десять подростковъ въ рясахъ, монашенковъ, какъ ихъ называютъ богомольцы,

срисовываютъ съ гравюръ, тушуютъ. Дисциплина монастырская сообщилась и имъ: ни одинъ изъ нихъ, изъ этихъ дѣтей съ бѣлокурыми волосами и ясными глазками, не поднялъ головы, не оставилъ своего дѣла, когда я смотрѣлъ на нихъ.

А солнце глядится въ окна и мѣшаетъ писать; блѣдные мальчики жмурятся, а разогрѣтые солнцемъ воробьи звонко кричатъ подѣ карнизомъ храма.

Старый и глухой монахъ, точно покрытый мохомъ, глухимъ голосомъ объяснилъ мнѣ содержаніе стѣнной живописи.

— А это фарисеи... А это Лазарь... А это судъ Соломона... А это...

Поднялись на колокольню. Въ первомъ пролетѣ виситъ колоколъ въ тысячу пудовъ.

— Это «Андреевскій», по Андрею Первозванному. Онъ у насъ на Валаамѣ былъ, когда идолопоклонники здѣсь были... Такой звонъ, что за сто верстъ слышно! Ма-а-линовый! А какъ на Пасху ударить!..¹⁶ и-и! По всѣмъ берегамъ. Сказано у пророка Исаи: «Да воздадутъ Господу славу и хвалу Его на островахъ да возвѣстятъ»...

Я посмотрѣлъ въ пролетъ. Виденъ весь монастырь, проливъ, пристань, пароходикъ св. Николай попыхиваетъ дымкомъ... Съ веселымъ верескомъ носятся¹⁷ стрижи надъ куполами, пролетаютъ¹⁸ въ широкіе просвѣты колоколни и вдругъ цѣлой стайкой падаютъ¹⁹ внизъ.

Поднялись на самую высъ. Здѣсь, съ высоты тридцати сажень, я видѣлъ весь архипелагъ валаамскій. Ладога обступила острова, врѣзалась голубыми проливами. Уснула подѣ солнцемъ сойма²⁰ въ серединѣ пролива. Лѣса, лѣса кругомъ и вода. Выглядываютъ колоколенки скитовъ. Хорошо здѣсь!

— Во-онъ, скитъ Всѣхъ Святыхъ... — показывалъ монахъ пальцемъ. — Во-онъ, чуть видать, Коневскій... А тамъ-отъ Ляксандра Свирскаго... Святые мѣста. Тишина у насъ, красота Господня...

Да, тишина. Должно быть хорошо слушать вешними вечерами тихіе звоны, когда небо тихо, когда солнце западаетъ, а соловьи робко пощелкиваютъ въ пріозерныхъ кустахъ.

— Ишь, высъ-то какая! Вамъ, чай, и глядѣтъ страшно, а у насъ монашекъ одинъ кумпола красилъ и молитвы нараспѣвъ. А старичку-то лѣтъ шестьдесятъ было. Примостился и мазалъ кумполокъ. Вѣтромъ его на веревочкѣ, какъ перышко, мотало... Тридцать три сажени! Сорвался вотъ только...

— Да неужели?!

— Только не здѣсь. Въ скиту... Съ восьми сажень махнулъ. Да, красилъ онъ въ скиту Іоанна Предтечи кумполокъ, на дощонкѣ стоялъ, молитвы

// 14

¹⁶ *Вместо восклицательного знака — было многоточие*

¹⁷ *Вместо носятся — было: носились*

¹⁸ *Вместо: пролетаютъ — было: пролетали*

¹⁹ *Вместо: падаютъ — было: падали*

²⁰ **неразборчиво**

пѣль. А схимонахъ Василискъ въ томъ скиту жилъ. Вотъ и идетъ схимонахъ Василискъ мимо церкви, и, значитъ, было ему дано проникновеніе... Онъ теперь второй годъ по обѣту молчить, а тогда говорилъ... Идетъ, значитъ схимонахъ-то Василискъ мимо церкви да и говоритъ: «Отецъ Анфимъ, поправилъ бы ты дощонку-то!» А тотъ привыкъ по высотѣ ходить, — ничего! Только Василискъ-то отошелъ, онъ и сорвался... Къ утру преставился.

Мы стали спускаться.

VII

Тихій уголь. — Могильныя плиты. — Король шведскій
Магнусъ II Сmekъ и его судьба.

На вершинѣ скалы надъ проливомъ старое кладбище за бѣлой невысокой стѣной. Тишина. Сырость и печаль охватываютъ здѣсь, и даже солнце, какъ будто, боится сюда заглянуть. Старыя липы и клены густо укрываютъ сыростью пропитанныя могилы. Не видно гробницъ, — круглые камешки на едва замѣтныхъ бугоркахъ. Тихое убѣжище мертвыхъ прорѣзано валомъ: это тоннель, въ которомъ лежатъ водопроводныя трубы.

Вотъ вдоль дорожки одна за одной лежатъ каменныя плиты. Это могилы схимниковъ валаамскихъ, старцевъ глубокихъ лѣтъ. Одиннадцать ихъ лежитъ здѣсь, обитателей дебрей, скитовъ и пещеръ, ревностныхъ пустынниковъ, постниковъ и молчальниковъ. Смотрѣлъ я... Что-то шуршали мнѣ старыя клены, тысячи невидныхъ могилъ что-то шептали мнѣ... Грустно...

Старыя липы раскинулись надъ плитами, и трава проросла изъ трещинъ, и упавшее сѣмячко уже дало ростокъ. Тутъ же досужій монахъ изъ пня старой липы выдолбилъ кресло, чтобы присѣлъ прохожій и поразмыслилъ у плитъ о бренности жизни.

Что такое?! «Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался». Король...

Длинная, травкою поросшая плита. На ней высѣчены стихи. Это могила **краля** (можетъ быть **короля**?) шведскаго, Магнуса II Сmeка. Стихи на плитѣ, сочиненные монахомъ валаамскимъ лѣтъ сто назадъ, рассказываютъ фантастическую исторію короля-воина, превратившагося въ схимонаха Григорія.

Должно быть произошло какое-нибудь недоразумѣніе. Не говоря уже невѣрныхъ хронологическихъ данныхъ, обозначенныхъ на плитѣ, король Магнусъ II Сmekъ едва ли и бывалъ когда на Валаамѣ. Ему не до того было. Хотя онъ и носилъ «шишакъ и латы», но характера былъ слабаго и безсильно боролся съ притязаніями аристократовъ всю жизнь: не до Валаама ему было. Лѣтъ шесть просидѣлъ въ заточеніи, потерялъ престолъ и именно въ то время

// 15

когда по словамъ лѣтописи валаамской онъ надѣвалъ схиму, по даннымъ исторіи бѣжалъ въ Норвегію, къ сыну своему Гакону, и по дорогѣ утонулъ близъ Бергена.

Откуда же преданіе валаамское? Это загадка. Быть можетъ старцы валаамскіе были обмануты и похоронили самозванца. Быть можетъ — исказили преданіе. Рассказываютъ, что въ 1000 году король норвежскій Тригвасонъ былъ побѣжденъ датскимъ королемъ Свенономъ и бросился въ море. Онъ не погибъ, а достигъ острова Рюгена /на немъ и городокъ Бергенъ/, откуда добрался черезъ Европу до Египта, гдѣ и сдѣлался настоятелемъ монастыря. Быть можетъ лѣтописецъ валаамскій слыхалъ объ этомъ преданіи, быть можетъ вѣсть о смерти Магнуса въ морскихъ волнахъ дошло до Валаама, — и вотъ плодомъ этихъ двухъ рассказовъ явилось сказаніе, что Магнусъ II не погибъ, а какъ Тригвасонъ, доплылъ до острова, но не Рюгена, а Валаама, и принялъ схиму, подобно тому какъ Тригвасонъ сдѣлался настоятелемъ.

И не все ли Магнусу II²¹ равно — гдѣ лежать? Такой покой, какъ здѣсь, вполне вознаградилъ бы его за жизнь, полную тревоженій. И чѣмъ же схима хуже его пышной короны? Она чиста отъ крови, а земля... одна и таже.

Давитъ печалью на этомъ тихомъ кладбищѣ. Шумятъ грустные клены. Блѣдно-алый макъ плачетъ надъ безыменнымъ бутромъ, роняя капли еще не пропавшей росы.

Я вышелъ за ограду и увидалъ солнце. Оно сверкало внизу, въ голубоватомъ проливѣ.

Вонъ чорный монашекъ бредетъ по скалистому берегу, у лѣса, съ берестяной корзиной, красная лодочка съ гребцами монахами тихо скользитъ, сѣти сохнутъ на берегу...

VIII

Сады. — Восточная трава. — Вѣстникъ далекаго міра.

Я посмотрѣлъ внизъ. Подъ скалой раскинулся садъ, живой свидѣтель энергіи инока валаамскаго. Да, когда-то здѣсь былъ сплошной камень, луда, какъ говорятъ на Валаамѣ, а теперь аккуратно разсажены яблоньки, груши, вишни. Возлѣ нихъ по жердямъ ягодные кусты, а у самыхъ дорожекъ цвѣты. Прижавшись къ гранитной скалѣ, заросшей рябиною и шиповникомъ, стоитъ деревянная бесѣдка, окутанная зеленью черемухи и сирени.

— Садикомъ любопытствуете? — спросилъ старичокъ послушникъ въ пожелтѣвшей скуфейкѣ. — Камень былъ, а мы сады развели! Теперь яблока на весь

// 16

годъ братіи хватаетъ. У насъ на каждомъ деревѣ по двадцать сортовъ сразу! Чудеса... Все Никаноръ премудрый орудовалъ. Миндали на выставкѣ имѣемъ!

²¹ Далее было: лежать

Нѣтъ нигдѣ такихъ садовъ... На одномъ деревѣ и вдругъ разное!..²² Дыни въ парникахъ, арбузы...

— У нихъ очень все способно устроено... — сталъ объяснять мнѣ плотный купецъ. — Даже до крайности способно. Потому они отъ вѣтру укрыли садики, а солнце шпарить, вотъ те и ранжерей...

— У насъ способно... Въ юнѣ льдинки по озеру ходять, а у насъ восточная трава родится! Во какъ достигли!

— Какъ, восточная? Это какая же?

— Какая... — Старичокъ торжественно посмотрѣлъ на насъ. — Иссопь!

— Ну?!! — даже крикнулъ купецъ и посмотрѣлъ на меня. — Вона...

— Ввотъ! Самая восточная. Давидъ-то преподобный гдѣ жилъ? на востокъ?!²³ — подступилъ ко мнѣ старичокъ. — Такъ? Ну, а псаломъ-то какъ говорить? «Окропи мя ис-со-помъ... и очищуся... Омыеши меня и...» Во-отъ!

— Да-а... У нихъ даже до невозможности способно...

Одинъ я остался у чугунной рѣшетки, высматривая красноватя точки яблокъ. Гудокъ...

Изъ-за скалистаго мыса показалась бѣлая труба парохода и черныя клубы дыма надъ ней. На островкѣ Никольскомъ двѣ черныя фигуры: должно быть отшельники-скитяне вышли изъ своихъ темныхъ келій взглянуть на вѣстника далекаго міра. Проводили холодными взглядами пароходъ, черную толпу людей на палубѣ и опять побрели читать закапанный воскомъ псалтырь.

Ближе подходилъ пароходъ. Струя бѣлаго пара пронизала воздухъ, и опять долгій гудокъ прокатился по обставленному скалами тихому проливу. Богомольцы бѣгутъ по горѣ. Монахъ съ книгой сходить на пристань по гранитной лѣстницѣ. Съ грохотомъ катитъ монастырская повозка. Валаамъ ждетъ новыхъ гостей.

IX

За монастырской трапезой. — Старички-олончане.

Я въ общей трапезной. Низенькая со сводами палата. На стѣнахъ изображенія преподныхъ въ одеждахъ схимонаховъ. Длинные столы занимаютъ двѣ огромныхъ залы, перѣрѣзанныя аркой. Безмолвно сидятъ монахи, ждут, когда подадутъ кушанье. На столахъ оловянныя чаши съ квасомъ и груды хлѣба. Все занято, только въ самомъ концѣ столовъ вижу свободное мѣстечко. Сажусь.

// 17

Противъ меня два почтеннаго вида купца сосредоточенно, точно на счетахъ считаютъ, хлебаютъ квасъ. Доносятся возгласы очереднаго чтеца, протяжно и звучно читающаго поученія св. отцовъ.

²² Вместо восклицательнаго знака — было многоточие

²³ Вместо: ?! — было многоточие

Вправо отъ меня, наискосокъ, — два старичка въ крестьянскихъ потертыхъ сермягахъ, пришедшіе на Валаамъ изъ Олонецкой губерніи. Они сидѣли съезжившись, точно боялись чего, и покачивали головами всякій разъ, какъ²⁴ звучный голосъ монаха достигалъ высшаго напряженія.

«Богатый въ питіяхъ и яствахъ пребываетъ, а о бѣдныхъ и о душѣ забываетъ...»

Старички вздыхаютъ. Купцы напряженно выхлебываютъ квась съ капустой.

— Ъшьте на здоровье, братики... — тихо сказалъ старичкамъ тощій монахъ и подлил густой похлебки.

— Не часто, небось, приходится такъ-то обѣдать... — кивнулъ одинъ изъ купцовъ.

— Бѣдный народъ эти олончане да корелы, — вздохнулъ другой, вылавливая снетковъ.

На столъ ставилась большая оловянная чаша съ варевомъ на четверыхъ, и каждый наливалъ себѣ въ глиняную мисочку. Сперва мы ѣли квась съ капустой, потомъ вареный тертый картофель съ солеными грибами, масломъ и лукомъ; потомъ подали густую похлебку со снетками и перловой крупой, потомъ щи, засыпанныя гречневой крупой; потомъ ячменная каша съ масломъ. На десертъ красная смородина изъ собственныхъ садовъ. Въ этотъ день ушло ея на обѣдъ около пяти пудовъ.

— А знатная полебка! — хвалилъ купецъ, облизывая ложку. — Нипочемъ дома такъ не сготовятъ.

— Чай, не лучше ушицы!

— Уха особъ статья... А тутъ снеточекъ-то вкуснѣй стерлядки. Ты мнѣ скажи, почему?

— Тише! У насъ за трапезой молчаніе полагается! — строго сказалъ тощій монахъ, не подымая глазъ.

Купцы умолкли, а одинъ старичокъ другого въ бокъ толкнулъ: «смотри-ка: богатеи, а и имъ спуску не даютъ... Форменно!»

Кончилась трапеза. Пропѣли благодарственную молитву и потянулись въ безмолвіи къ выходу.

— А хо-рошъ квасокъ... да... Дюже хо-рошъ... — сказалъ старичокъ-олончанинъ. — Зна-атный квасокъ...

— Съ мяткой... Духовитый квасокъ...

— Ка-акъ угощаютъ-то! Какъ родныхъ!...

— Какъ въ раю... Ужъ такъ-то хорошо... и-и...

// 18

Х

Въ кузницѣ и литейной. — Механики. — Гигантское сооруженіе. — Инженеръ-самоучка. Смиреніе. —
Разсказъ монаха. — Трудовое царство.

²⁴ *Вместо: какъ — было: какъ какъ*

На высокой гранитной²⁵ скалѣ стоитъ трехъэтажное зданіе мастерскихъ и водопровода. Здѣсь центръ дѣятельности рабочаго Валаама. Иду мимо открытыхъ сараевъ-навѣсовъ, гдѣ стоятъ земледѣльческія машины: плуги, вѣялки, молотилки и т. п. — все въ порядкѣ. Тутъ же и навѣсъ дляковки лошадей. Старенькій монахъ, подвязавъ ремешкомъ волосы, куетъ лошадь. Лошадь въ станкѣ, ноги притянуты ремнями къ столбамъ, — ковать удобно и безопасно.

Въ нижнемъ этажѣ зданія мастерскихъ помѣщается кузница. Подростокъ надѣваетъ на колесо приводной ремень,²⁶ и огромный мѣхъ силою машины, помѣщенной въ центрѣ зданія, начинаетъ работать, вздымая изъ горна миллионы искръ. Хозяинъ кузницы, монахъ, молча привѣтствуетъ насъ. Могучія жилистыя руки поднимаютъ и опускаютъ тяжелый молотъ на раскаленную полосу желѣза. Крутомъ, надъ головой, на одеждѣ, даже въ бородѣ — тысячи искръ. Сѣдые волосы подхвачены ремешкомъ, грудь открыта, и на ней темныя струйки пота. Куетъ и куетъ, подымается и опускается²⁷ молотъ, крикаетъ въ крѣпкой груди старика.

Тутъ же и литейная — темное помѣщеніе съ грудой мелкой земли для формовки. Прокопченный монашекъ возится съ лампочкой-коптилкой въ углу, въ кучѣ земли,²⁸ что-то формуетъ. Работа идетъ споро.

— Намъ надсмотрщиковъ не надо... — говоритъ монахъ — провожатый. — Для Бога работаемъ, а Бога не оманешь...

Въ нижнемъ же этажѣ лѣсопильный станокъ.

— Что угодно можно выпилить, ко всему машина прилажена. Сами и станокъ сдѣлали.

Въ нижнемъ же этажѣ помѣщается и баня для братіи и богомольцевъ.

Поднимаемся во второй этажъ. Здѣсь цѣлый рядъ мастерскихъ: слесарная, сверлильная, токарная, точильная. Визжать станки, тянутся сверкающими локонами желѣзныя и мѣдныя стружки.

За однимъ изъ станковъ — богомалецъ въ пиджакѣ. Онъ трудится уже вторую недѣлю «Бога-ради», по обѣту. Тутъ же и подростки. —

— Матерьялецъ портятъ... А потомъ и наловчатся... У насъ скоро, не какъ въ городу. Вотъ извольте взглянуть.

// 19

У строгальной машины стоялъ мальчуганъ-монашонокъ лѣтъ тринадцати и зорко слѣдилъ, какъ машина медлительными, полными силы движеніями стачивала укрѣпленный въ станкѣ цилиндръ.

— Давно вы при машинѣ?

— Второй мѣсяць... — смиренно отвѣчаетъ малышъ.

²⁵ Далее было: стѣнѣ

²⁶ Вместо: ремень, и — было: ремень и

²⁷ Вместо: опускается — было: опускаетъ

²⁸ Вместо: земли, — было: земли

Въ слесарной мастерской стоятъ огромные часы съ гирями по десяти пудовъ.

— Своей работы и вѣрны, какъ карманные...

— Однако... Механики же у васъ...

— У насъ механиковъ нѣтъ... А придетъ кой человекъ съ воли, сдѣлаетъ какую-нибудь штуkenцію, а мы и переймемъ...

Нужно сказать, что въ большинствѣ случаевъ начальники мастерскихъ всѣ перворазрядные мастера — спеціалисты, учившіеся на питерскихъ или финляндскихъ заводахъ.

Нельзя не отдать справедливости дѣятельности братіи валаамской. Это цѣлое царство труда, сметки, трудового кипѣнія. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что монахи-крестьяне оказываются хорошими мастерами, — вѣдь и въ городѣ мастера тѣ же крестьяне; и нѣтъ, конечно, въ валаамскихъ монахахъ никакой чудодѣйственности. Надо удивляться другому: способности служить идеѣ. Пришли работать сюда «Бога-ради» и работаютъ, не покладая рукъ. Другой вопросъ — цѣлесообразно ли это «служеніе», но²⁹ въ уменьи служить идеѣ³⁰ нельзя отказать русскому человеку. Это я видѣлъ на Валаамѣ.

Мы спустились въ самый нижній этажъ. Проводникъ отворилъ дверь, и я увидѣлъ узкій, уходившій въ темную глубину тоннель. Полоски свѣта, и проникавшія сверху, сквозь рядъ окошекъ, продѣланныхъ въ горѣ, въ массѣ которой шелъ тоннель, тускло освѣщали безконечныя ступеньки.

— Осторожней...

Мы стали сходить внизъ.

— Сто сорокъ двѣ ступени здѣсь.

Съ правой стороны лѣстницы тянется стержень поршня, составленный изъ многихъ отдѣльныхъ стержней,³¹ слѣва лежитъ труба, по которой бѣжитъ вода въ гору.

Узкій тоннель уходилъ постепенно суживавшимся корридормъ. Спустились. Проводникъ поднялъ послѣднюю ступеньку, и я увидаль, что въ этомъ мѣстѣ труба соединялась съ небольшимъ цилиндромъ-насосомъ.

— Тутъ насасывающіе клапаны. Воду-то и гонить вверхъ... А вотъ колодець... Прорванъ въ гранитѣ динамитомъ... Аршинъ двѣнадцать. Изъ озера къ нему труба.

// 20

Въ глубинѣ колодца чувствовалась чорная поверхность холодной воды. Булькало и хлюпало тамъ что-то, дышало...

Монахи рассказываютъ, что одинъ инженеръ просилъ десять тысячъ за планъ и руководство сооружеиіемъ водопровода. Игумень Дамаскинъ сказалъ со вздохомъ: «гдѣ намъ такими деньгами швыряться!» и отвергъ предложеніе инженера. Онъ нашелъ «инженера» изъ монаховъ. Это былъ нѣкто іеромонахъ

²⁹ *Вместо:* но — *было* но но

³⁰ *Вместо:* идеѣ — *было:* идеи

³¹ *Вместо:* стержней; — *было:* стержней:

Ионафанъ. Онъ былъ знатокъ механическаго дѣла, проживъ долгое время на одномъ петербургскомъ заводѣ. И онъ, можно сказать, одинъ вынесъ на своихъ плечахъ всю великую трудность сооруженія. Весь монастырь работалъ подъ его руководствомъ, и въ результатѣ четырехлѣтней работы явилось чудо, да: чудо для сѣраго Валаама. Но монахи скромны: они не говорятъ о себѣ, они чуть ли даже не забыли имя строителя.

Высѣчена лаконическая надпись на стѣнѣ тоннеля:

«Поднята вода лѣта 1863, декабрія въ 12 день.»

Только. Простыя сердца не кричатъ. И когда читалъ я эту строку, вспоминалъ великіе подвиги простыхъ, незамѣтныхъ людей изъ народа,³² и великія страданія, и глубокія сердца.

Точно такія же надписи вы можете встрѣтить во многихъ мѣстахъ Валаама:

«Сей мостъ сооружень 1846 года. «Проведена сія канава лѣта 1863.»

Потомъ проводникъ показалъ мнѣ сушильню, гдѣ бѣлье сушится перегрѣтымъ воздухомъ, потомъ гидравлическій прессъ для выжиманья бѣлья, подъемный кранъ, передающій бѣлье изъ бани въ прачечную.

И вспомнилъ я тутъ слова богомольца на пароходѣ: «На все у нихъ машина!»

На фермѣ, на скотномъ дворѣ, на пристаняхъ, — машины и механическія приспособленія.

Я поблагодарилъ проводника и, забывъ о статьѣ устава, предложилъ ему «на чай». Это было на пустынной лѣстницы нижняго этажа.

— Не надо. Мы не беремъ денегъ.

Нельзя съ чувствомъ уваженія не пожать мозолистую руку. И эта рука принадлежитъ крестьянину. Сюда, на эти дикія скалы, внесъ онъ свою простоту, свое огромное терпѣніе, свое простое міросозерцаніе, которому онъ стойко слѣдуетъ.

— Ну, какъ вамъ нашъ водопроводъ? — встрѣтилъ меня начальникъ мастерскихъ.

— Я передалъ мое восхищеніе.

— Да, да... Всѣ такъ-то вотъ... У насъ даже англичане бываютъ! А то одинъ прїѣзжалъ — зна-атокъ! Спустился въ водопроводъ да часа два сидѣлъ,

// 21

все думалъ! Не вылазятъ и не вылазятъ... Что, думаю, съ нимъ такое? Сталъ кликать. Молчить. Сидитъ такъ вотъ, колѣночки руками охватилъ и глядитъ въ колодець. Даже страхъ меня взялъ... Рази долго съ думы-то большой въ дыру упасть! «Господинь!» говорю: — «вылазйте!» «Что?» — говоритъ. — Что ты тутъ будешь дѣлать! Даже жалко мнѣ его тутъ стало. Взялъ его за ручку и говорю: — «Наверхъ, господинь, пойдете»... А они глянули на меня эдакъ туманно и говорятъ: — «Не могу я наверхъ итти.» Да-а... Не могу и не могу... — «Почему

³² *Вместо:* подвиги простыхъ, незамѣтныхъ людей изъ народа, — *было:* подвиги и простыхъ незамѣтныхъ людей съ народа

же», спрашиваю, — «вы навёрхъ итить не можете?» — «А потому, говорить, я навёрхъ итить не могу, что оченно пораженъ!» Во-о какъ!

Я не стану подробно описывать разносторонности монастырскаго хозяйства. На Валаамъ можно встрѣтить любое ремесло. Здѣсь есть сапожники, портные, токари, штукатуры, каменотесы, столяры, маляры, кровельщики, рѣзчики по дереву и металлу, мѣдники, суконщики, золотильщики, иконописцы, переплетчики, фотографы и проч... Работаютъ нѣсколько заводовъ: кирпичный, свѣчной, кожевенный, скудельный, мыловаренный, гончарный... Суконная и ткацкая фабрики, лѣсопильня, конскій заводъ. Въ огромныхъ печахъ обжигаютъ мраморъ на известь, обжигаютъ уголь, гонятъ деготь и скипидаръ. Прекрасно рубятъ, полируютъ и шлифуютъ гранитъ и мраморъ. Добываютъ мѣдную руду. Чего-чего нѣтъ на Валаамъ!

Садоводство, земледѣліе, молочное хозяйство въ широкихъ размѣрахъ, рыболовство и даже рыбоводство. Библіотека въ 12000 томовъ, аптека, больница, фотографія, страннопріимный домъ для убогихъ окрестныхъ жителей.

Валаамъ точно маленькій промышленный городокъ, убѣжавшій отъ міра и разбросавшійся на скалахъ среди лѣсовъ и проливовъ на непріютныхъ водахъ Ладоги.

ХІ

На пароходикѣ по проливамъ. — Маленькое приключеніе.

Въ сѣняхъ гостиницы монахъ продаетъ билеты на пароходикъ. Собираются ѣхать въ часовню Андрея Первозваннаго, расположенную на горѣ, у Никонова залива.

Монашонки-пѣвчіе чинно спускаются къ пристани. Богомольцы наперерывъ размѣщаются въ лодкахъ.

Яркій и теплый день напрасно поманилъ прощальной августовской прелестью. Наползли тучи, потемнѣлъ лѣсъ на скалахъ.

Маленькій пароходикъ св. Николай кутался въ ѣдкомъ дыму и сипѣлъ слабой машиной.

// 22

Машинистъ, коренастый послушникъ лѣтъ тридцати, сидѣлъ на дровахъ, поджидая богомольцевъ.

— А не разорветъ котла? — спрашиваю я одного изъ хлопотавшихъ около машины послушниковъ.

— Что-о? — съ недоумѣніемъ спросилъ онъ меня, точно никогда не слыхалъ, что котлы лопаются.

— Котла, спрашиваю, не разорветъ?

— Да развѣ это возможно? Что вы-съ...

— Да почему же нѣтъ?

— Да нельзя-сь... Какъ же это — разорветъ... Да вѣдь тогда сколькимъ людямъ смерть-то!

— Я про то-то и говорю...

— Нѣ-ѣтъ-сь... Этого у насъ не заведено-сь... чтобы рвало-сь... Бываетъ такъ, что и не умѣвши машиной заправляють... Тамъ привернуть, тамъ отвернуть, и ничего-сь... не разрываетъ... Сипитъ только машина...

Слушая слова «брата», механикъ, сидѣвшій на дровахъ, улыбался. Его улыбка говорила: «мы тоже все очень хорошо понимаемъ.»

Богомольцы наполнили лодки, пароходикъ далъ хриплый гудокъ, машина зашипѣла, засвистѣла, бортъ скрипнулъ, — точно вотъ-вотъ разсыплется пароходиска по всѣмъ швамъ, — и мы черепашьимъ ходомъ двинулись по проливу. Двѣ огромныя лодки съ богомольцами потянулись на буксирѣ. На ихъ кормахъ въ живописныхъ позахъ стали монахи съ шестами.

Басами затагнули пѣвчіе:

«Вол-но-о-ю морско-о-о-ю...»

Подхватили и богомольцы. Рыжій бась напрягалъ всѣ силы,³³ и тихія ущелья откликались:

... Го-го-го-го-о-о-о...

— Трубу! Трубу сымай! — крикнулъ рулевой.

Мы подъѣзжаемъ къ каменной аркѣ моста черезъ проливъ. Трубу стащили и пароходикъ благополучно проползъ подъ мостомъ, окутавъ насъ ѣдкимъ дымомъ.

Передъ нами воды пустынныхъ проливовъ. Открытая Ладога нѣтъ-нѣтъ да и покажется въ панорамѣ лѣсовъ и ущелій. Гдѣ-то посвистываютъ кулички.

— Вонъ ма-якъ... — показываетъ пальцемъ монашекъ.

Впереди, на угловомъ утесѣ, на столбикѣ большой бѣлый фонарь. Мы въ обширномъ Никоновомъ заливѣ, глубиною до 40 сажень. Влѣво деревянная пристань, на берегу домикъ рыбаковъ. Когда на озерѣ буря, маякъ призываетъ корабли въ тихій заливъ.

Пароходикъ подошелъ къ пристани. Какъ разъ въ это время тучи разродились дождемъ.

// 23

Ѣхавшій съ нами іеромонахъ сталъ служить молебень. Богомольцы жались отъ дождя подъ развѣсистыми вѣтвями елей. Пахло смолой и грибами. Съ высокой горы отъ часовни видно озеро, задернутое туманной сѣткой дождя, утесы, лѣса на нихъ, золотой крестъ заброшеннаго на скалы скита. У часовни сиротливый крестъ подъ елью, знаменующій собою тотъ крестъ, что когда-то, по преданію, Андрей Первозванный водрузилъ на горахъ Валаама.

«Андрей апостоль, — есть преданье, —

«Крестомъ разсѣялъ мракъ грѣха,

«Предрекши вѣры процвѣтанье,

³³ *Вместо: всѣ силы, и — было: всѣ силы и*

«Поста, молитвы и труда...» /Вааламскій стихъ/

А дождь все сильнѣй. Богомольцы бѣгутъ съ горы, раскатываясь на скользкихъ иглахъ, хватаясь на бѣгу за стволы сосенъ и елей. Дождь льетъ потокомъ. Пароходикъ едва двигается, такъ какъ съ лодокъ набралось много народу.

— Нельзя! Потонетъ, братія! — кричитъ машинистъ. — Черпаешь!

— Ничего... Тутъ святое мѣсто... Господь не попуститъ... Петръ Иванычъ, лѣзь и ты... Тутъ съ краюшку уцѣпись, подъ парусинку-то...

— Ма-атушки, тонемъ!...

Пароходикъ шипитъ отчаянно.

— Братія, нельзя... Сейчасъ черпанетъ! Сходи, сходи...

Никто не сходитъ. Еще норовятъ уцѣпиться окончательно промокшіе съ лодокъ.

— Влѣ-ѣзь... Слава тебѣ Господи... Ванюшка, пристраивайся...

— Я, дяденька, бою-усь... Гли-ка, волна-то лѣзетъ...

— Молитву начинай! Съ Богомъ!

... Волно-о-ю мо-ор-ско-о-о-о-ю скры-вша-а-го дре-е-вле-э...»

Только бы выбраться съ глубины! Пароходикъ вздрагиваетъ. Машинистъ то и дѣло поглядываетъ по бортамъ.

— Тутъ потопленія быть не можетъ! — говоритъ старичокъ въ плюшевой кофтѣ, — Тутъ святые воды... «Те-бѣ-э на во-дахъ... по-вѣ-ѣ-си-вша-го...»»
Хорошо-о! Привелъ Господь... Анна Васильевна, ты чего..?³⁴

— Страсти какія... Поѣхала я... О, Господи... Ба-атюшки!

— Черпануль!... Родимые, черпануль!

— Смирно!! — кричитъ капитанъ. — Съ глубины вышли!.. Пой!!...

Властный крикъ хорошо дѣйствуетъ. Раскатываются голоса.

Монахи съ шестами одиноко стоятъ на лодкахъ. Они промокли до нитки.

Подъѣзжаемъ къ канавѣ, вступаемъ въ нее, пароходикъ начинаетъ царапаться по дну, вздрагиваетъ и останавливается.

— Готово! Стопъ, машина! — злорадно кричитъ парень съ лодки, котораго,

// 24

можетъ быть къ счастью,³⁵ не пустили на пароходъ. — Командиры!!

Дождь пересталъ. Народъ перебирается на лодки. Мальчикъ-монашонокъ свѣшиваетъ голову за бортъ и заглядываетъ на дно.

— Что, братъ ты мой! сѣли на мели!... — говоритъ онъ мнѣ и хлопаетъ по плечу.

— Эй, зимовать что ли будемъ? — острять съ лодокъ. — Поддай пару, машинистъ! Посади на мель!

— Братія, на носъ перейди, корма сѣла! — кричитъ машинистъ.

³⁴ *Вместо:* ты чего..? — *было:* ты чего...

³⁵ *Вместо:* котораго, можетъ быть къ счастью, не пустили — *было:* котораго можетъ быть къ счастью не пустили

Двѣ лодки становились другъ за дружкой. Многіе повыскакали въ узкомъ проливчикѣ на берегъ и уже собираютъ горстями бруснику. Монахи въ живописныхъ позахъ закаменѣли на носахъ, качегарь и машинистъ уперлись шестью въ каменные берега, точно повисли въ воздухѣ надъ тихой водой.

— Налегая-ай! Братъ Петръ... бери-ись! Н-ну-у!

— Дубинушку бы спѣть... Много помогаетъ... — совѣтуетъ старичокъ въ кофтѣ.

— Онъ ко святымъ мѣстамъ не подходитъ. Тутъ съ молитвой надо...

Наконецъ, послѣ совмѣстныхъ усилій богомольцевъ, монаховъ и машины, послѣ тропаря и «дубинушки», котору пѣли на лодкахъ тихимъ голосомъ, пароходикъ высвободился изъ тисковъ, — и опять передъ нами вереница тихихъ заливовъ. Уже монастырь виденъ.

... «Пре-о-бра-зился еси на го-о-рѣ...» — запѣли монахи.

ХП

Прогулка на Большой скитъ. — Въ лѣсахъ. — Отшельникъ.

— А какъ мнѣ на большой скитъ пройти?

— А проѣзжей дорогой³⁶ черезъ Владимирскій мостъ, версты четыре. Лѣсомъ все... Звѣрья у насъ нѣтъ, развѣ олень рогатый попадется...

Быль восьмой часъ вечера. Солнце уже опустилось за архипелагъ валаамскій. Въ воздухѣ уже стлалась туманная дымка надвигающейся ночи. Прохожу мимо пустынной пристани. На берегу старичокъ складываетъ щепу для пароходика. Неподалеку монахи растягиваютъ на берегу только что³⁷ просмоленные сѣти. Острый запахъ смолы... Я знаю, что если услышу гдѣ этотъ острый запахъ свѣжей смолы у воды, передо мною встанетъ картина валаамскаго пролива. Услышу я стукъ деревяннаго молотка по бортамъ лодокъ, увижу растянутыя сѣти, просмоленные лодки вверхъ чорными сверкающими днищами, таинственный сумракъ лѣса, потемнѣвшія скалы и притаившійся боръ съ его нѣмымъ шорохомъ гдѣ-то въ глубинѣ.

// 25

На берегу царство каменотесовъ. Рубятъ гранитъ, шлифуютъ, пилятъ. Тише и тише постукиваютъ молоточки, монахи-трудники и финны-рабочіе уже подолгу засиживаются на гранитныхъ глыбахъ. Дрема ползетъ изъ темнаго лѣса. Скоро доползетъ она до собора, служка ударитъ въ колоколъ, и день кончится. Кончится день на Валаамѣ, а тамъ, на островахъ, точно заря встаетъ, точно ночь и не заглянетъ туда. Тамъ открытое озеро, тамъ еще солнце чуть-чуть выглядываетъ изъ-за водяной полосы.

³⁶ *Вместо:* дорогой черезъ — *было:* дорогой, черезъ

³⁷ *Вместо:* только что — *было:* толькочто

Быстро иду я по лѣсной дорогѣ. Вотъ поле какое-то, еще не сжатый ячмень на немъ. Въ гору ползеть дорога, подъ ногами гранитъ. Высокая, какъ колонна, сосна на поворотѣ. Скала, гранитная стѣна съ надписью:

«Проведена сія дорога 1865 года».. Почему-то годъ этотъ кажется мнѣ далекимъ... Мостъ, часовня. Вижу лампаду передъ Богородицею, алую ленту, свѣчку. Лѣсъ, лѣсъ... лошади позваниваютъ бубенцами. Высокій крестъ на перекресткѣ, черный, гранитный. «Поставленъ сей крестъ 1865.»

Каменная стѣна скита съ башнями по угламъ. Сверкаетъ вода за деревьями, чернѣтъ³⁸ чья-то могила. Тишина, глушь...

Вхожу. Пустынный дворъ и кирпичный храмъ посреди. Огородикъ. Низенькія кельи.

— Поздненько вы... У насъ трапезуютъ...

Изъ-за угла храма появился схимонахъ.

— Издалече?

— Изъ Москвы.

— А-а... Далеко. Отъ насъ все далеко. Отъ земли дальше — къ небу ближе...

Онъ указалъ пальцемъ въ небо.

— Пойдемте, покажу храмъ.

Мы пошли. Величавыя фигуры иноковъ въ полутьмѣ, на колоннахъ. Лампады теплятся. На аналоѣ раскрытый псалтырь.

— Только читать кончилъ. День и ночь читаемъ. «Да не умолкнетъ въ домѣ святѣмъ Слово...»

Тоненькая жолтенькая свѣчка скучно бросала на потемнѣвшія страницы слабый отсвѣтъ.

«Скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъже пойду...» — прочелъ я.

Вышли изъ храма.

— Вы точно въ крѣпости... — указалъ я на стѣны и башни.

— Отъ грѣха оплотъ. Съ кѣмъ намъ воевать! Въ лѣсу живемъ, по чапыгѣ полземъ... незамѣтишь, анъ къ могилѣ-то и подползъ, и зарыли...

— Чѣмъ же вы питаетесь?

— Первое — словомъ Божиимъ... А потомъ ужъ капусткой, картошечкой, кашкой...

// 26

Чего еще? Все равно червю могильному на пожратіе... А душа-то туда!.. — показалъ онъ въ небо. — Ну, грядите, грядите съ миромъ... Трапезуютъ у насъ.

Съ грустью глядѣлъ я на стѣны и башни, воздвигнутыя для борьбы съ грѣхомъ, и вышелъ изъ этой громадной могилы живыхъ людей, чтобы никогда болѣе не вступать въ нее. Было совсѣмъ темно. Восемь прислонившихся къ стѣнѣ каменныхъ келій слились въ одну сплошную казарму. Я опять на свободѣ. Живой лѣсъ обступаетъ меня, говоритъ шорохомъ.

³⁸ *Вместо:* за деревьями, чернѣтъ — *было:* за деревьями чернѣтъ

Когда я шель берегомъ пролива, каменотесы уже покончили работу. Старичокъ монахъ ковылялъ въ гору къ монастырю.

— Кончился день... Слава Владыкѣ Всевышнему... Помилуй насъ грѣшныхъ, Иисусе Спасе... Ох-хо-хо-о...

Когда я поднялся въ гору, лѣсное царство потонуло въ тѣняхъ ночи. Гдѣ-то за лѣсами подымался мѣсяць: свѣтлѣло въ небѣ. Весь бѣлый соборъ сверкалъ крестами.

ХІІІ

Встрѣча въ лѣсу. — Перелетъ журавлей. — Мечтатель.

Зайдешь далеко въ лѣсъ. Дорога неизвѣсно куда уходитъ. Пустынно, дико. Кажется, и не ступала нога человѣка. И вдругъ на поворотѣ дороги — часовня. Двери открыты. Евангеліе, крестъ, кадильница, книги, а со стѣны печально смотритъ ликъ Пречистой или Спаситель зоветъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ. Кругомъ лѣсъ звенитъ хвоей, и легкой вѣтерокъ заноситъ въ часовню смолистый запахъ вѣтвей.

Птицы перекликаются печально-робко. Дятлы стучать. Бѣлки роняютъ шишки. Выйдетъ изъ чащи олень, поглядитъ, подрагивая ноздрями, и уйдетъ.³⁹

Какъ-то задумчиво шель я лѣсной дорогой. Впереди темнѣла сѣрыми стѣнами часовня. Ели положили на нее широкія лапы. У порожка сидитъ старичокъ въ полушубкѣ и чертитъ клюкой по песочку. Разговорились. Онъ пришелъ поклониться угодникамъ издалика, изъ Воронежской губерніи.

— Жена померла, сынъ невѣдомо гдѣ... Вотъ и хожу... А на зиму въ Соловки пойду... А что, сказываютъ, быдто скоро свѣту конецъ?

— Да кто сказываетъ-то?

— А шель я, теперича сказать, Тверской губерніей... Такъ въ селѣ на ночевку становился. Богомолка одна и сказывала... Какъ, гыть, будетъ Вознесенье въ пятницу, такъ и ждите свѣту конецъ... Потому, гыть, будутъ

// 27

всѣ дни по новому ставить, на мѣсяць со днемъ побольше... Вотъ тогда обязательно Вознесенье въ пятницу и придетъ... И это ей одинъ человѣкъ по секрету сказывалъ...

Очевидно, это былъ слухъ о премѣнѣ календаря.

Я его успокоилъ.

— Я и самъ такъ думалъ — пустое... А то еще звѣзда, сказываютъ, сорвалась на небѣ?..

— Какая же это звѣзда?

— Самая, говорятъ, большая... И летитъ та звѣзда на нашу землю... Аль не слышали?

³⁹ *Вместо:* подрагивая ноздрями, и уйдетъ. — *было:* подрагивая ноздрями и уйдетъ.

— Не слыхалъ.

— А мнѣ странникъ одинъ сказывалъ. На тѣхъ звѣздахъ тоже, будто, люди живутъ... Ну, и какъ, значить, нагрѣшатъ тѣ люди, она и не сдержитъ, и полетитъ... Вотъ эта-то вотъ, про которую сказывалъ-то, тыщу лѣтъ летитъ, и летѣтъ ей еще тыщу...

Потолковали о звѣздахъ.

— Можетъ и такъ... Кто знаетъ... Старики у насъ сказывали, что, омаковенно,⁴⁰ въ Кіянъ-морѣ валяются, ну и потухнетъ... Оттого и вода тамъ тепла, и зимы нѣтъ... Такія земли есть, теплыя... Вотъ и наши многіе, Воронежской губерніи, пошли туда за землей... искать земельки... Тамъ много... Конечно, народъ чужой, турки тамъ, нехристи, а ничаво... А земля-то наша, расейская, сказываютъ, только про ее, быдто, забыли⁴¹...

Легкій звонъ... Точно серебро зазвенѣло въ небѣ. Я посмотрѣлъ. Съ сѣвера летѣли журавли.

— И-ихъ ты! Ма-ши-на! — сказала странникъ. Далеко, поди, летятъ?!

— За море, въ теплыя страны...

— Хо-ро-шо... И наши туда пошли... Хлѣбъ тамъ, говорятъ, самъ родится, не то,⁴² что у насъ... Травы тамъ, сказываютъ, подъ самую крышу...

Скрылись журавли.

— Шабашъ теперь, осень подошла...

XIV

Коневскій скитъ. — Тихій старичокъ. —
О. Дамаскинъ. — Любитель политики.

Бду въ Коневскій скитъ, верстахъ въ 6 отъ монастыря. Къ крыльцу поданъ тарантасъ. Мальчикъ-корель сидитъ на козлахъ, какъ приклеенный. Во всю дорогу онъ не издалъ ни звука.

Погода дождливая. Бдемъ лѣсомъ. Мокрыя вѣтви задѣваютъ за головы. Тарантасъ гремитъ на гранитныхъ плѣшинахъ. Нѣсколько крутыхъ спусковъ

// 28

и подъемовъ, — и впереди, поперекъ дороги плетень изъ хвороста.

Корель остановилъ лошадь и остался сидѣть изваяніемъ, даже не обернулся.

— Здѣсь, что ли?

Молчаніе, даже голова не шевелится. Можетъ быть глухо-нѣмой.

Перелѣзаю черезъ плетень, спускаюсь съ горки, прохожу мимо огородика и подхожу къ маленькой деревянной церквушкѣ. Заперто. Кругомъ ни души. Дождь долбитъ мелкой сѣткой. Тоскливо, неуютно, пусто. Двѣ деревянные соединенныя

⁴⁰ *Вместо:* что, омаковенно, въ Кіянъ-морѣ — *было:* что омаковенно въ Кіянъ-морѣ

⁴¹ *Вместо:* быдто, забыли — *было:* быдто забыли...

⁴² *Вместо:* самъ родится, — не то, что у насъ — *было:* самъ родится не то, что у насъ

сѣнями кельи на холмикѣ. Подымаюсь по вырубленной въ камнѣ лѣсенкѣ, заглядываю въ сѣни и нахожу милую картинку.

На полу сидятъ трое: сухенькій старичокъ съ умнымъ восковымъ лицомъ и тихими глазами — схимонахъ Сысой; чорный монахъ лѣтъ сорока и еще послушникъ лѣтъ шестнадцати, бѣлокурый, тощій⁴³, съ длинными локонами золотистыхъ волосъ. Сидятъ въ молчаніи и рѣжутъ лукъ, отдѣляя отъ головокъ ботву.

— Здравствуйте... богъ въ помощь...

— Благодаримъ, Господи помилуй... — сказалъ схимонахъ.

Остальные двое поклонились молча.

Я попросилъ показать храмъ и келью Дамаскина.

— Возьми ключики, покажь... — сказалъ схимонахъ послушнику.

Простенькій иконостасъ, деревянные голыя стѣны, досчатый полъ.

— Давно вы здѣсь? — спросилъ я мальчика.

— Шесть мѣсяцевъ... Я изъ Питера...

— Что это вы такъ? Небось тяжело въ этой глуши послѣ города?

— Святые отцы жили...

Подошли къ двумъ озеркамъ. Деревянный мостикъ надъ узкимъ проливчикомъ. Густая осока по берегамъ.

— Тутъ у насъ прямо, какъ уха... Для монастыря ловимъ...

— На удочку бы хорошо!

— Это баловство... У насъ нельзя никому на удочку... Да тутъ мы ее черпаками выбираемъ... Какъ въ гущѣ она.

Я видѣлъ рыбы головы. Я тростью щекоталъ рыбу.

Подошелъ схимонахъ Сысой.

— А вотъ здѣсь, — указалъ онъ на камень возлѣ воды, — птицы гагары гнѣздо вьютъ. И не боятся насъ... Такъ, сказываютъ, ужъ лѣтъ пятьдесятъ. Каждый годъ одна пара прилетаетъ.

— И сегодня прилетали?

— Нѣтъ. Нынче что-то не воротились, а то всегда... — грустно закончилъ схимонахъ Сысой.

// 29

Онъ заковылялъ къ своей кельѣ, а мы перешли мостикъ и поднялись на холмикъ, гдѣ въ тѣни дубковъ, кленовъ и липъ стояла пустая теперь келья знаменитаго игумена Дамаскина.⁴⁴ Память о немъ почти священна на Валаамѣ. Многимъ обязанъ ему монастырь, его неукротимой энергіи, его хозяйственному таланту.

Въ этой небольшой деревянной клѣткѣ испытывалъ онъ себя, черпалъ мужество въ борьбѣ съ грѣхомъ. Изба перегороджена на четыре клѣтушки. Въ

⁴³ *Вместо:* бѣлокурый, тощій — *было:* бѣлокурый тощій

⁴⁴ *В тексте ошибочно:* Дамаскина

одной онъ работалъ, въ другой молился, въ третьей переписывалъ священныя книги, въ четвертой спалъ.

— Вотъ его молельня.

Комнатка шириною въ аршинъ, длиной въ два. Аналой, передъ нимъ икона, стулъ. Въ крохотное окошечко видна часть озерка, горка, поросшая лѣсомъ.

Въ бурныя осеннія ночи дождь стучалъ въ стекла, вѣтеръ вылъ, глухой боръ гремѣлъ тысячами страшныхъ голосовъ, а о. Дамаскинъ стоялъ на молитвѣ. И такъ семь долгихъ лѣтъ.

— А вотъ его постель...

Въ каморкѣ у самаго отца, на полу, досчатый гробъ и въ немъ рогожка.

Иногда по ночамъ изъ озерка подымался «человѣкъ съ растрепанными волосами», подходилъ къ окну кельи, ломился въ дверку. Иногда тьма бѣсовъ возилась и плясала вокругъ его кельи, такъ что избушка вздрагивала. Это были видѣнія о. Дамаскина.

Потомъ утомительная жизнь въ скиту Всѣхъ Святыхъ, потомъ долготѣнее игуменство, потомъ параличъ, прекратившій его существованіе.

Мы вышли изъ кельи. Капли дождя висѣли на листьяхъ деревь, выплывшее изъ тучи солнце играло въ озеркахъ. Какая пустыня кругомъ! За озеркомъ схимонахъ Сысой копаеть лукъ въ огородѣ.

— Прощайте, о. Сысой!

— Богъ проститъ, Богъ проститъ... Простите насъ грѣшныхъ...

Я пожалъ худую руку старца, и вдругъ жалко мнѣ стало его. Жалко было оставить его умирать въ этомъ заброшенномъ углу суроваго Валаама, жалко было этой ушедшей жизни, которую уже не воротить... Должно быть онъ забылъ уже свое дѣтство, свою мать, деревню...

Прошелъ въ сѣни. Черный монахъ все еще обрѣзалъ лукъ.

— А... уходите... — и онъ протянулъ руку. — Уйдете, а мы останемся... А скажите, пожалуйста... слыхалъ я, что нѣмцы войну воевать хотятъ... Не слыхатъ ничего?

— Нѣтъ, не слышно.

— Ну, а какъ у васъ тамъ, въ Россіи, ничего?

— Ничего.

// 30

— А-а... а вотъ мнѣ одинъ богомолецъ сказывалъ, что...

Этотъ еще интересовался жизнью.

— Можетъ быть и еще завернете къ намъ, расскажете... А то мы здѣсь, какъ въ лѣсу... Птица и та больше нашего знаетъ...

Я поднялся на горку, глянулъ въ послѣдній разъ на этотъ дикій уголокъ Валаама, на деревянную церковку, такъ сиротливо стоящую на берегу озерка, и сѣлъ⁴⁵ въ тарангасъ. Молчаливый корель тронулъ вожжами.

⁴⁵ *Вместо:* на берегу озерка, и сѣлъ — *было:* на берегу озерка и сѣлъ

Отъѣздъ. — «Хлѣбъ-соль». — Прощай, Валаамъ!

Въ сѣняхъ гостиницы о. гостиникъ съ блюдомъ.

— Маловато погостили... маловато... — и онъ крѣпко жметъ мою руку и благодаритъ за лепту.

Пароходъ привезъ новую толпу богомольцевъ. Я поднялся на палубу. Внизу монахи поютъ «Достойно».

— Вамъ-съ...

На меня смотритъ послушникъ и протягиваетъ что-то завернутое въ бумагу.

— Отъ монастыря вамъ... Обители благословеніе на путь.

Въ бумагѣ оказалась краюха монастырскаго хлѣба фунтовъ въ пять. Второй свистокъ.

Матросы закрыли бортъ. Мальчики-монашонки звонко поютъ «Преобразился еси на горѣ-ѣ...»

Третій свистокъ. Пароходъ отходить отъ пристани. Машутъ платками богомольцы. На скалѣ за рѣшеткой монахи прощальнымъ взглядомъ провожаютъ насъ. Длинный водяной хвостъ ползетъ за нами по проливу, и пробужденныя волны ударяютъ въ скалистые берега. Величественный соборъ красиво вырисовывается⁴⁶ на высотѣ.

— Прощай, Валаамъ! До будущаго года, — сказалъ знакомый купчикъ и перекрестился въ раскачку.

— Вы каждый годъ ѣздите?

— Обязательно-съ... Нагрѣшишь за годъ, а тутъ и покаешься. Намъ безъ покаянія никакъ невозможно-съ...

Плывемъ мимо скита Никольскаго. На пустынномъ берегу ни души. Одинокій гранитный крестъ стоитъ у воды, а около него зонтомъ изогнулась сосна надъ проливомъ. Влѣво, на скалахъ, лѣсъ съ тихимъ звономъ вершинъ. У пристани колыхается на волнахъ лодочка. За зеленой стѣной

⁴⁶ В тексте ошибочно: вырисовываются